

Могучий Владимир Алексеевич

1985

9 APR 1985

Вечерний Свердловск
г. Свердловск

СВЕРДЛОВСК

Талант, фантазия, опыт

В эти дни ему исполнилось бы 80 лет. Всю свою творческую жизнь он прослужил главным художником Свердловского театра оперы и балета. Порой на короткое время выезжал, работая в оперных театрах Киева и Ленинграда. Возвращался. Оформлял спектакли в Перми, Казани, Челябинске. Участвовал в постановке драматических постановок и оперетт. Выполнял эскизы костюмов для Уральского народного хора.

Однако наиболее полно проявил себя художником оперных и балетных спектаклей, оформив их около сотни. В лучших своих работах он достигал изумительного ансамбля живописно-пластического решения с вокально-симфоническим звучанием спектакля.

Кто из видевших балет П. Чайковского «Спящая красавица» не вспоминает его панораму, когда неспешное движение романтического ландшафта словно рождало в зрительском сердце широкие мелодическое дыхание музыки. Или фантастические преобразования в балете А. Фридендера «Каменный цветок», световым эффектом которого позавидовал бы иллюзион. И все это еще в то время, когда технический и световой арсенал театра был далек от возможностей, которые предоставила ему реконструкция здания.

Театрально-декорационные (или, как сейчас говорят, сценографические) принципы художника были обусловлены эмоционально укрупненным, зрелищным пониманием природы музыкального,

спектакля и всегда реальной оценкой материальных и экономических возможностей театра.

Как главному художнику, Владимиру Алексеевичу приходилось ставить наиболее ответственные, крупные спектакли героико-романтического плана, такие, как «Иван Сусанин» М. Глинки, «Князь Игорь» А. Бородина, «В бурю» Т. Хренникова, «Мазепа» и «Орлеанская дева» П. Чайковского, «Богдан Хмельницкий» К. Данкевича. Эти и многие другие объемные полотна предполагали особую меру идейно-художественной ответственности.

Работа В. Людмила убедительно доказывала, что высокий творческий результат отнюдь не всегда обусловлен большими материальными затратами и постановочными сроками. Скорее наоборот: ограниченные возможности военного и послевоенного времени благодаря активной фантазии и находчивости художника приводили к простым и выразительным решениям. Хотя сценография В. Людмила знала и объемноконструктивные решения, прекрасным образом которого явилось оформление к спектаклю «Арабелла» Р. Штрауса, все же доминирующим художественным принципом, определившим культуру театра на долгие годы, стала живопись.

Особое место занимают балетные спектакли. Но и в пастельной воздушности хореографических сцен внимание художника привлекал наиболее близкий ему

героико-романтический жанр, в котором драматизм столкновений определялся внутренней значительностью и силой характеров. До сих пор помнится опаленный терпким колоритом знойной красочности и освеженный морским простором акварели величаво-романтический «Корсар» А. Адана...

А людмилиньские костюмы, в которых историко-бытовая подлинность словно фокусировала образную суть, доведя ее до красочной метафоры, как в спектакле «Обучение в монастыре» С. Прокофьева!

Часто, наблюдая за Владимиром Алексеевичем, я ловил себя на мысли, что испытываю чувство невольной радости. Был он высок, красив и статен. С наивным взглядом черных глаз и застенчивой улыбкой. Удивительно скромный. Как-то сказал: «Когда много подвигаешь, задумаешься над тем огромным и могучим, что создал гений человеческий, — совестно кичиться». Выступать не любил и не умел, считая, что отстаивать себя следует работой. Но был горд честью — гражданской и, конечно же, — профессиональной.

Публика знала и ценила оформительское искусство Владимира Алексеевича Людмила за выразительную значимость, совершенный вкус и впечатляющую зрелищность. За эти высокие достижения он был удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

М. МИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.